

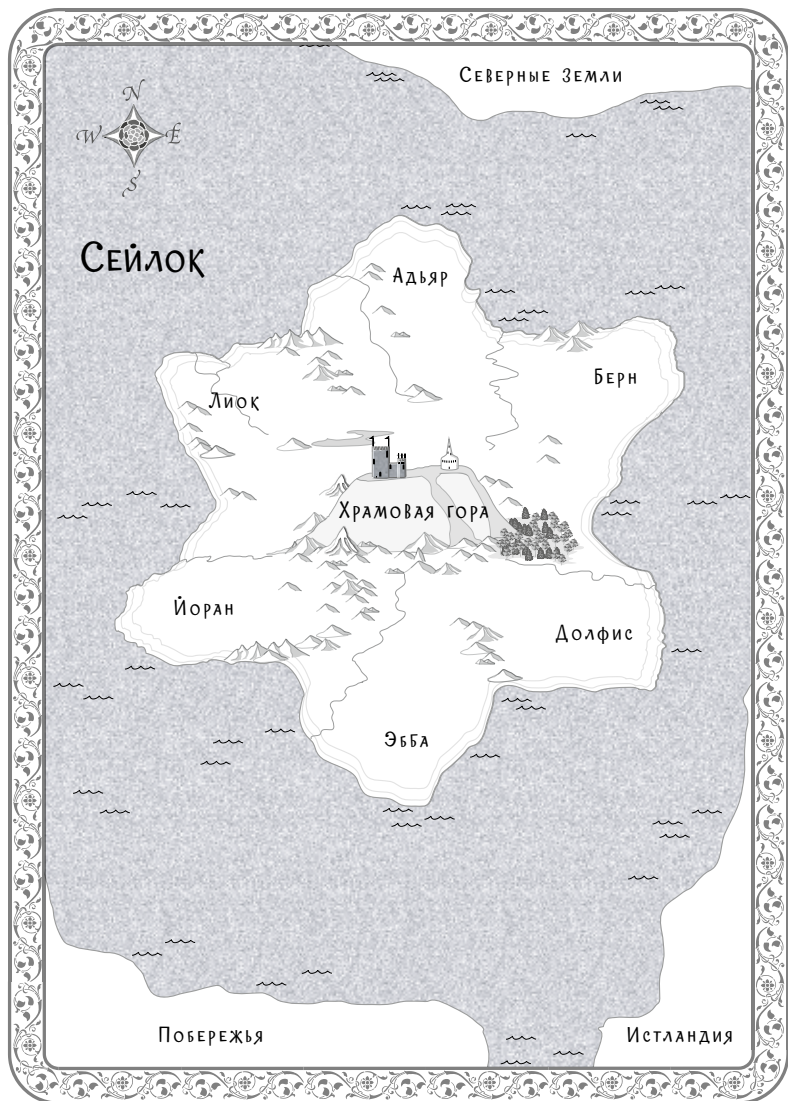
AMY HARMON

*The second
blind son*

ЭМИ ХАРМОН

*Второй
сын*

CLEVER
•ИЗДАТЕЛЬСТВО•

Это выдуманная история. Имена, персонажи, институты, места, события и факты — плод воображения автора или созданный им вымысел. Любое сходство с реальными людьми, как живыми, так и уже покойными, — чистая случайность.

Ибо когда я немощен,
тогда силен.

Второе послание к Коринфянам, 12:10

Пролог

КАЖДЫЙ ГОД, ПОСЛЕ сбора урожая и до наступления холодов, в Сейлоке проводился королевский турнир. Ярлы кланов вместе со своими воинами собирались на Храмовой горе и участвовали в череде состязаний. Они мерились силой и сноровкой и определяли, какой из кланов самый свирепый. О победителях турнира слагались легенды. Во дворе замка и на Храмовой горе две недели шли праздничные гуляния. На ветру реяли цветные полотнища: зеленое, золотое, красное, оранжевое, синее, коричневое — в честь шести кланов, лиловое — в честь хранителей храма.

Флаги приветствовали всех жителей Сейлока, каждый год приходивших принять участие в празднествах. Но женщина, что с трудом поднималась в гору с маленьким сыном на руках, шла не затем, чтобы поглазеть на турнир или продать на базаре свой товар. Она шла за благословением верховного хранителя. Шла за чудом.

Пока длился турнир, двери храма были открыты и любой мог туда зайти. Хранители благословляли пришедших, давали советы, отпускали прегрешения и молились. Законы в Сейлоке устанавливал король, за их соблюдением следили ярлы, но хранители

имели право помилования. Те, кому удавалось добиться встречи с ними, обретали «новую жизнь», свободу от прежних грехов и приговоров. А еще хранители утешали и исцеляли.

Чаще всего пришедшим в храм отпускались духовные прегрешения, и лишь изредка — настоящие преступления. Правосудие вершилось в кланах сурово и скоро. Редкие осужденные умудрялись добраться до храма и встретиться с хранителями. И все же каждый год, пока шел королевский турнир, хотя бы один печально известный беглец получал прощение.

Но эта женщина не была беглянкой и не жаждала отпущения собственных грехов — хотя и знала, что грешила достаточно. Она не собиралась просить об исцелении, хотя и знала, что умрет. Болезнь наполнила ее отчаянной смелостью, и теперь она, тяжело дыша, поднималась в гору с одной-единственной целью.

Перед храмом стояли толпы тех, кому не терпелось попасть внутрь, и женщине пришлось целый день ждать своей очереди. Она отхлебывала воду из фляжки и пыталась развлечь сына. Мальчик был смиренный: он тихо играл у ног матери, что-то чертил пальцем в пыли да ел по кусочку хлеб из дорожной торбы. Но самой женщине, изможденной долгой дорогой, сделалось совсем худо. Перед глазами плыло, и она совершенно упала духом. Она не могла ждать вечно, вообще не могла больше ждать.

На закате зазвонили колокола, и стражники, стоявшие у широких дверей, стали разворачивать народ, чтобы закрыть храм.

— Приходи завтра, — настойчиво повторяли они, отталкивая настырную женщину в сторону. В толпе было полно отчаявшихся матерей.

Она подняла свою торбу, взяла сына за руку и озиралась в поисках укрытия, где можно было бы переждать ночь. Фасад храма украшали колонны, ко входу вела лестница, на каждой ступеньке которой уже сидели бедолаги вроде нее самой. Наутро, когда двери храма вновь распахнутся, они будут первыми в очереди. Пошатываясь, она пошла вокруг храма. Она едва понимала, куда идет, и лишь цеплялась за маленькую ладошку сына. В каменной стене, окружавшей храм, она обнаружила дверь, которую никто не охранял, но, подергав за ручку, поняла, что дверь заперта. За стеной ютилась скотина. Женщина слышала животных, чуяла их запах. Ей нужны лишь горстка соломы, да крыша над головой, да колодец, чтобы наполнить фляги. Она потрясла дверь, надеясь, что ей откроют, но ее никто не услышал.

Она опустилась на землю под стеной, прижалась к ней щекой, собираясь с силами. Солнце зашло за храм, и камни начали остывать. Она притянула к себе сына и закрыла глаза. Она подождет, пока кто-нибудь придет к этой двери, и станет умолять, чтобы ее пустили в хлев на ночлег. Она уже делала так. Много раз.

Быть может, она заснула, но вряд ли проспала слишком долго. Ее головы коснулась чья-то рука. Решив, что это сын, она чуть слышно сказала ему:

— Я просто устала, Бальдр. Я отдохну. Никуда не уходи.

— Тебе нужна помощь, женщина?

Голос был мягким, низким. Она изумленно взглянула на стоявшего перед ней человека. То был коротко стриженный мужчина в балахоне темно-лилового цвета, что отличает хранителей от представителей шести кланов. Он прижимал к груди младенца, и потому женщина решила, что ей это снится.

Перевязь для младенца была сшита из той же лиловой ткани, что и балахон, и оттого казалось, что крошечная головка парит прямо у сердца хранителя.

Она никогда прежде не видела ничего подобного. Мужчина с ребенком на руках вообще выглядел непривычно. Мужчины Сейлока не заботились о детях. А поверить, что перед ней и правда стоит *хранитель* с младенцем, она вообще не могла.

Она закрыла глаза и снова их раскрыла, но хранитель так и стоял над ней, протягивая к ней руку, а в лиловой суме у него на груди покачивался спящий младенец.

— Я пришла к верховному хранителю, — пробормотала она, протирая глаза. — Я не могу ждать до завтра.

— Я не мастер Айво, а лишь хранитель Дагмар. Но я сделаю для тебя что смогу.

Он взял ее за руку и помог подняться. Почувствовав, что она встает, Бальдр тоже встал и принялся похлопывать ее по ноге, искать ее руку.

— Это твой сын? — спросил хранитель Дагмар.

Ребенок был ладный и крепкий, с черными курчавыми волосами, пухлыми ручками и ножками, но его глаза походили на две одинаковые, совершенно пустые лужицы мутной и холодной зеленой воды.

Люди часто смотрели на него с нескрываемым ужасом и спешили отойти.

— Да. Он не видит, — объяснила она. — Порой мне говорят, что он меченый. Его глаза пугают людей. Но он не злой, хранитель. Он добрый и сообразительный. У него быстрый ум.

— Как ты зовешь его?

— Бальдром.

— Бальдр Возлюбленный. Сын Одина, — сказал хранитель Дагмар.

— Бальдр Возлюбленный. Бальдр Отважный. Бальдр Добрый. Бальдр Мудрый. В нем все это есть, — гордо сказала она.

Хранитель безо всякого страха взглянул на мальчика и погладил его по голове. От его доброты у нее защипало в глазах. А еще она вновь испытала надежду.

— Я из Берна, хранитель. И мне нужно встретиться с верховным хранителем, — взмолилась она.

— Ты больна? — спросил он.

— Да. — Она знала, что глаза у нее блестят, щеки красны от жара, а из груди, несмотря на все попытки сдержаться, рвется глубокий кашель. — Да, я больна уже давно, и мне не становится лучше. Мне нужно благословение. Но не для меня. Для сына.

* * *

Верховный хранитель, мастер Айво, сердился.

Во время королевского турнира двери храма открыты для всех обитателей Сейлока, но теперь день закончился, храм закрылся, а ему, старику, пора было отдохнуть.

Но эта женщина с ребенком как-то сумела проникнуть в святилище, куда пускают лишь хранителей, королей да изредка ярлов. Наверняка кто-то провел ее сюда.

— Ты должна сейчас же уйти, — прошипел Айво.

— Я всего на минуту, мастер, — ничуть не смутившись, сказала она и двинулась вперед.

Кресло мастера скорее походило на трон, чем на обычный стул: верх высокой спинки украшали шипы, напоминавшие лучи солнца или спицы колеса. Кресло казалось непригодным для сидения, и он знал об этом и радовался, что в действительности оно очень удобно. Оно стояло на возвышении близ алтаря. В нем ему так хорошо думалось... и так хорошо спалось.

Женщина остановилась ярдах в трех от него, у самого алтаря, и сложила руки, как побирושка.

— Я попрошу твоего благословения, о верховный хранитель... и сразу уйду.

Отчаянная смелость сияла в ее горячем взгляде, рвалась с молящих губ. Лохмотья, прикрывавшие ее тонкое тело, были в пыли после долгой дороги, но ребенок, стоявший с ней рядом, казался здоровым и относительно чистым. Правда, с глазами у мальчика было что-то не то.

Внезапно мастеру Айво стала ясна цель этой женщины, и он проклял того, кто проявил к ней сострадание. Чертить руны и миловать мог не только верховный хранитель. Пока шел королевский турнир, все хранители целыми днями врачевали и взывали к рунам. И все же эту женщину привели к *нему*, безо всяких церемоний впустили в *его* святилище, и теперь *он* должен будет сказать ей, что есть хвори, над

которыми руны не властны. *Труссы*. Он с ними еще разберется.

— Он когда-нибудь видел? — нетерпеливо спросил мастер Айво, махнув рукой в сторону мальчика.

— Нет, мастер, его глаза были такими с рождения.

— Он не болел?

— Нет.

— Значит, я не могу его исцелить. Не могу вернуть то, чего никогда не было.

Женщина понурилась, и на миг ему показалось, что она сейчас упадет.

Он проклял норн, которым так нравилось ему досаждать.

— Я дам вам обоим благословение силы. Потом ты уйдешь, — смилостивился Айво.

Он небрежно начертил в воздухе руну, пробормотал благословение на мозг, кости и мышцы. В сложившихся обстоятельствах от него нельзя было требовать большего. Маленький мальчик выпустил материнскую руку и склонил темноволосую голову набок. А потом высоким нежным голосом повторил благословение, слово в слово. Досада Айво рассыпалась прахом, смешавшись с пылью, что покрывала пол в святилище. Но женщина не утешилась. По щекам у нее побежали слезы.

— Боюсь, силы недостаточно, мастер, — прошептала она.

— Почему? — буркнул Айво. Ей не пристало знать, что в его сердце произошла перемена.

— Мой сын — хороший мальчик, мастер. Но его слепота — бремя, которое никому не по плечу. А я больше не могу о нем заботиться.

— Где его отец? И как же твой клан?

— Я из Берна, мой отец мертв, а я знала многих мужчин, мастер. — В ее голосе не слышалось ни тени раскаяния.

Айво чувствовал, что она не лжет, но подозревал, что она недоговаривает. Многие женщины что-то скрывают, говоря о подобных вещах. В особенности если беседуют со стариком-хранителем, ведь он — как им кажется — не способен понять.

— Отведи его к ярлу Банрууду. Ярл обязан заботиться обо всех детях своего клана.

В ответ она промолчала. Она явно не собиралась с ним согласиться. В отчаянии она опустила голову еще ниже.

Мастер Айво со вздохом всплеснул руками.

— Я не могу вылечить его глаза... но могу исцелить *тебя*, чтобы ты и дальше заботилась о нем, — предложил он.

Женщина с облегчением кивнула, и он жестом велел ей подойти к нему. От усталости у нее дрожали руки. Кожа горела от жара. Чтобы прогнать болезнь, ему придется начертить руны в каждом углу храма. В дни турнира всегда так.

Собственной кровью он нарисовал у нее на лбу три руны: руну дыхания, руну силы и руну, которая должна была прогнать болезнь из ее груди. Жизнь и смерть ему не подчинялись, и потому решать, будет ли выполнена его просьба, предстояло нормам; и все же глаза женщины просветлели, а дыхание стало чистым.

Он подождал, пока руны уйдут под кожу, и стер с ее лба остатки крови. Он не оставит следов, которые смогут увидеть другие.

— А теперь иди. И забери мальчика.

Она понялась, благодарно кланяясь. Но начертанная им руна исцелила не только тело. Она восставила надежду, и женщина решилась на еще одну просьбу.

— Говорят, что среди хранителей живет дитя, младенец. Прямо в храме. Вот чего я хочу для сына, — выпалила она.

— Говорят, значит? — хмыкнул он.

Говорят в самом Берне? В этом он сомневался. Зато теперь он знал, кто из хранителей впустил эту женщину в святилище. Хранитель Дагмар был занозой у него в пальце. Камешком у него в башмаке. Язвой у него во рту. Причем с тех самых пор, как Дагмар явился на гору. Тогда он — долговязый, напористый мальчишка — грозил сброситься со скал Шинуэя, если верховный хранитель не позволит ему остаться на обучение в храме.

Хуже всего, что Дагмар всегда добивался своего. Несколько месяцев назад он принес в храм младенца Байра, сына своей умершей сестры, и Айво опять ему уступил. А ведь прежде такого еще никогда не бывало. Такого вообще *не должно было* быть. И вот теперь эта женщина просит его о том же. Айво предупредил Дагмара. Всего одно исключение — и правило тут же перестает существовать.

— Можешь воспитать из него хранителя? — взмолилась женщина. — Он очень умен.

— Хранителя, — повторил мальчик, стоявший у алтаря. Он поднял руки так высоко, как только мог, и коснулся резного дерева пальцами. Руны, вырезанные на алтаре, сплетались друг с другом, и их

нельзя было различить. Прочсть их мог только тренированный взгляд. Так их защищали — даже в святилище. Даже на нижней, невидимой стороне алтаря.

— Руны, — восхищенно произнес мальчик.

Айво потрясенно ахнул:

— Он узнаёт руны.

— Он не знает ни единой руны, — возразила женщина, мотая головой. — Я не знаю ни единой руны. Клянусь, верховный хранитель.

Пользоваться рунами разрешалось только хранителям. Женщине было чего бояться, но Айво не стал ее бранить. Вместо этого он продолжил смотреть за мальчиком. Ребенка заворожили резные узоры, по которым он водил пальцами. Через мгновение он опустился на корточки и начертил в пыли на полу руну — два полукруга, спиной к спине, один смотрит влево, а другой вправо. Первый полукруг разделяла надвое стрела, и ее черенок проходил сквозь второй полукруг. Если Айво не изменяла память, начертанная мальчиком руна точно повторяла ту, что была вырезана прямо у него над головой.

Мастер нахмурился и изумленно уставился на ребенка:

— Это руна Хёда.

Женщина наморщила лоб, ничего не понимая.

— Он нарисовал руну Хёда, слепого сына Одина, — прошептал Айво.

— Он ничего не знает, мастер. Но он всегда так делает. Трогает и... рисует. Он так учится, — заверила женщина и наклонилась, собираясь поскорее стереть рисунок.

— Оставь! — прошипел Айво, и мать с сыном застыли.

Верховный хранитель не верил в совпадения. Слепой мальчик, которому на вид не больше четырех лет, изобразил руну слепого бога.

— Подведи его ко мне, — потребовал Айво и протянул руку к ребенку.

Женщину вдруг охватил страх, и она помедлила, но потом все же повела ребенка вперед. Они подошли прямо к огромному креслу верховного хранителя. Мальчик робко пошарил перед собой руками и положил ладони на колени мастера Айво, словно зная, что теперь будет.

Айво опять замер в изумлении. К нему никто никогда не прикасался. Наверное, женщина догадалась об этом.

— Бальдр, — окликнула она сына и сняла его руки с коленей старика.

— Его зовут Бальдр? — не переставая изумляться, спросил Айво.

— Да, мастер, — неуверенно ответила женщина. — Я из Берна. В Берне это... ч-частое имя.

— Он не Бальдр... Он Хёд, — прошептал Айво.

Оба имени были так тесно связаны друг с другом, что для Айво это стало лишь очередным подтверждением предназначения ребенка.

— Разверни ему руки, чтобы я увидел ладони, — потребовал Айво.

Женщина послушалась, схватила мальчика за запястья и развернула кверху его ладошки. Теперь он стоял перед мастером в молящей позе. Айво склонился вперед.